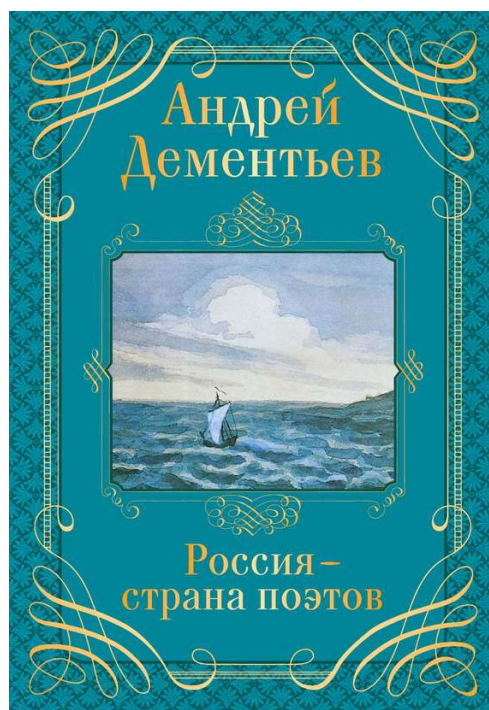

Андрей Дементьев

Россия – страна поэтов

«ЭКСМО»

2014

Дементьев А. Д.

Россия – страна поэтов / А. Д. Дементьев — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-457-61834-3

Андрей Дементьев – один из самых любимых поэтов России. Его стихи и песни знают многие поколения нашей огромной страны. Поэзия Андрея Дементьева – это глубокая лирическая интонация, ясность, простота. В каждой строчке чувствуется преемственность поэтических поколений. Всю жизнь Андрей Дементьев изучал творчество М.Ю. Лермонтова, чья трагическая судьба, любовь, гибель отображены во многих стихотворениях этого сборника, который автор посвятил великому поэту России.

ISBN 978-5-457-61834-3

© Дементьев А. Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Непостижимость	5
Пушкин и Лермонтов	6
«Россия – страна поэтов...»	8
«В Железноводск пришла весна...»	9
«Над Машуком гроза...»	10
«Бал только начался...»	11
«Жизнь кончается неожиданно...»	12
«Поэзия жива своим уставом...»	14
«Вся грусть земли поручена стихам...»	15
В отчем доме	16
Опала	18
«Золотой кленовый лист...»	19
«Стихи – это тоже поступки...»	20
Читая лермонтова («Что может быть прекрасней красоты?...»)	21
Монолог врубеля	22
«Солнце упало в море...»	24
«Господи, спаси нас и помилуй...»	25
Читая Лермонтова («Как странно жизнь устроена...»)	27
«На всех портретах...»	28
Поэт	29
«Не избалованы мы солнцем эссентукским...»	30
«Поэзия превыше суеты...»	31
«Стихи читают молодые...»	32
Кинжал	34
«Мы все живем по собственным законам...»	36
«Как девальвировалось слово!...»	37
«Будьте осторожны...»	38
«Лицо выдает человека...»	39
«На Руси, как прежде, много бедных...»	40
Бессонница	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Дементьев

Россия – страна поэтов

Андрей Дементьев

Непостижимость

Сколько себя помню, – я всегда был влюблен в стихи Михаила Юрьевича Лермонтова. Сначала мне читал их вслух отец, присаживаясь на краешек кровати, когда мама укладывала меня спать. В свои три-четыре года я еще не знал грамоты, не умел складывать буквы, но очень любил слушать, как отец нараспев, завораживая меня небесной музыкой слова, колдовал надо мной: «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана...» И я засыпал под это поэтическое видение.

Однажды я горько расплакался, когда отец прочел мне стихи о том, как погиб Поэт, «поникнув гордой головой». Родители долго не могли меня успокоить, потому что мне было бесконечно жалко упавшего на снег курчавого человека, которого я увидел на картинке в книге...

С годами меня все больше и больше тянуло к Лермонтову. Отец подарил мне полное собрание его произведений. И я, к своему восторгу, уже пойдя в школу, открыл для себя неповторимую прозу Михаила Юрьевича. «Герой нашего времени» стал моим героем на всю жизнь. Такой музыкальной и глубокой книги, когда казалось, что все в ней происходит при твоём присутствии и даже при твоём участии, мне больше не встречалось...

Помню, как в 1955 году я впервые приехал в Пятигорск. И был потрясен всем, что увидел там – маленький домик поэта, его кабинет, дом генерала Верзилина, где произошла роковая ссора Лермонтова с Мартыновым, и место дуэли. Мне трудно было переживать эти потрясения в одиночестве... У горы Машук я встретил двух девчонок, которые приехали тоже откуда-то издалека и тихо переговаривались между собой. Неожиданно для себя я спросил их: «Девочки, вы в музее были?» – «Нет еще», – смущенно признались те. «А в гроте Печорина?» И, не дождавшись ответа, предложил: «Поехали вместе...»

С тех пор почти каждый год я прилетаю на Северный Кавказ, чтобы поклониться Святым Лермонтовским местам.

А в Тарханы я попал несколько позже, в очень плохое время, когда из-за неисправности местного водопровода затопило лестницу, которая вела к могиле Михаила Юрьевича. Все было в воде. Каким-то чудом, хлюпая ботинками, мы с писателем Алексеем Пьяновым спустились ко гробу Поэта и суеверно дотронулись до холодного металла...

За эти полвека я написал много стихотворений, которых без Лермонтова и его Поэзии просто бы не было. И еще мне очень хотелось рассказать о нем самом, как я чувствовал и понимал эту гениальную личность, этого мужественного и не очень счастливого человека... И вот теперь собрал эти стихи в книгу, которую посвящаю своему любимому Поэту.

Пушкин и Лермонтов

Как жаль, – им не случилось встретиться, —
Двум гениям, двум узникам судьбы.
А время, словно ветряная мельница,
Перемололо пересуд толпы.

Четыре года меж двумя дуэлями,
Две жизни взлетов, счастья и невзгод...
Быть может, небесами было велено,
Чтоб одинаков был у них исход.

Как жаль, – им не случилось встретиться
Еще при жизни и до встречи книг.
И до сих пор Земля на Небо сердится,
Что так оно жестоко было к ним.

Но в Небесах их души побратались,
Лишь в Небесах – не в жизни и не в снах.
А на Земле не дождалась их старость,
И в этом тоже есть особый знак.

«Россия – страна поэтов...»

Россия – страна поэтов.
Великих на все века.
И нам дорога при этом
Каждая их строка.

Россия – страна поэтов.
Настырных и молодых,
Чей дар нам пока неведом,
Но кто оседлал свой стих.

Россия – страна талантов.
Души золотой запас.
И в мире, враждой объят,
Таланты спасают нас.

«В Железноводск пришла весна...»

В Железноводск пришла весна,
Скорей похожая на осень.
Я все дела свои забросил.
И нас дорога понесла.

Висели тучи низко-низко.
Ручей под шинами пропел.
Фонарь, как вялая редиска,
В тумане медленном алел.

На повороте у дороги
Стоял обычный старый дом.
И сердце замерло в тревоге,
Как будто жил я в доме том.

Звенели женщины посудой.
Кому-то было недосуг.
...В то утро Лермонтов отсюда
Верхом помчался на Машук.

«Над Машуком гроза...»

Над Машуком гроза, – как в день дуэли.
Природа свой переживает путч.
Но гром ушел, и дали просветлели.
И небо вдруг очистилось от туч.

У обелиска, где портрет поэта,
Четыре грифа сторожат покой.
И ветви дуба к небесам воздеты,
Как будто это царь, а не изгой.

Спускаюсь вниз по каменной дороге,
Которой он поднялся на Машук.
И думаю с пристрастием о Боге,
В то утро Богу было недосуг.

Иначе все б сложилось по-другому.
Не стал бы горьким символом Машук.
И всадники б спустились мирно к дому,
Чтобы продолжить прерванный досуг.

Но не всегда мы властны в наших бедах.
И Сатана, как прежде, правит бал...
А Лермонтов так грустен на портретах,
Как будто все заранее он знал.

«Бал только начался...»

Бал только начался... Выстраивались пары.
Но Пушкин обходил их стороной.
Какой-то чин – нахохленный и старый —
Любезно говорил с его женой.

Сверкали люстры и горели свечи.
Там у окна поэта ожидал
Тот, кто давно просил его о встрече.
Он передал – пусть явится на бал.

Не жалуя балы... Он поневоле
Туда являлся ради Натали.
Она играла в высшем свете роли,
Что только настораживать могли.

Сегодня он явился для другого.
Загадочный певец «Бородина»
Просил о встрече...

Пушкин вспомнил снова,
Что Муза та была ему мила.

Но все пришлось перенести на завтра.
Наверно, по причине срочных дел...
И Пушкины уехали внезапно.

До Черной речки оставался день...

«Жизнь кончается нежданно...»

Жизнь кончается нежданно.
Преждевременно всегда.
Лишь была бы не бездарна.
И тогда не в счет года.

Жизнь кончается нежданно.
Все у смерти под пятой.
На костер восходит Жанна,
Чтоб продолжить страшный бой.

Не царица, не богиня, —
Образ в синем свете глаз —
Жанна д'Арк – святое имя.
Совесть мира, Божий глас.

Жизнь кончается нежданно.
И грядущее подчас
Так туманно и обманно,
Что оно не греет нас.

Кто мог знать, что в вихре жизни
Гений вдруг прервет свой бег
И у Черной речки брызнет
Кровь его на белый снег?

Жизнь кончается нежданно.
Боль в душе или успех,
Поздно все пришло иль рано, —
Клясть ее – великий грех.

Кто-то лично сводит счета
С нашей брэнной суетой.
То ли бедностью измотан,
То ли с лета сбит бедой.

Жизнь кончается нежданно.
Жду в последнем вираже:
На земле – небесной манны,
Счастья райского – в душе.

Кто мог знать, что у подножья
Им воспетой же горы
Юный Лермонтов не сможет
Не принять чужой игры.

Потому что не был трусом,
Рисковать привык собой.
И считал – поэтам русским
Стыдно торг вести с судьбой.

Кто мог знать, что в «Англетере»
В час отчаянья и бед,
В жизнь свою уже не веря,
С ней порвет другой поэт.

Жизнь кончается неожиданно.
И в любые времена, —
Зла она или желанна, —
Но у всех она одна.

«Поэзия жива своим уставом...»

Поэзия жива своим уставом.
И если к тридцати не генерал,
Хотя тебя и числят комсоставом,
Но ты как будто чей-то чин украл.

Не важно, поздно начал или рано,
Не все зависит от надежд твоих.
Вот тот мальчишка – в чине капитана,
А этот, старец, ходит в рядовых.

Пусть ничего исправить ты не вправе,
А может, и не надо исправлять.
Одни идут годами к трудной славе,
Другим всего-то перейти тетрадь.

«Вся грусть земли поручена стихам...»

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово.
М. Ю. Лермонтов*

Вся грусть земли поручена стихам.
И потому строка моя печальна,
Когда посвящена родным холмам
Или глазам твоим исповедальным.

Вся грусть земли поручена стихам.
И это поручение от Бога
Исполнит бесконечная дорога,
Которой мы восходим в Божий храм.

Нас много – поручителей Его.
И потому не оборвется слово,
В котором грусть обрящет торжество,
И мир тем словом будет околдован.

Вся грусть земли поручена стихам.
И все надежды тоже им поручат,
Когда нас жизнь отчаяньем измучит
И вознесемся мы к иным верхам.

В отчем доме

Он прислал ей весточку в Тарханы,
Что приедет, как решит дела.

...Бричка подкатила спозаранок,
И усадьба мигом ожила.

Он вошел в мундире при погонах.
Сбросил на ходу дорожный плащ.
Покрестился в угол на иконы:
«Бабушка, ну что ты...
Да не плачь...»

«Мишенька...» Прильнула со слезами.
«Господи, уж как ты услужил...»
Он в объятьях на мгновенье замер
И по залу бабку закружил.

«Погоди... – она запричитала. —
Упаду ведь... Слышишь, погоди...»

А душа от счастья трепетала,
И тревога пряталась в груди.

Сколько дней горючих миновало
С той поры, как почивал он здесь...

Стол ломился... Уж она-то знала,
Как с дороги любит внук поесть.

Он наполнил рюмки, встал неспешно.
Замер в стойке – словно на плацу.
«За тебя...»
И полыхнула нежность
По его печальному лицу.

Жизнь ее, надежда и отрада!
Только что над ним прошла гроза...

Светит возле образа лампада.
И светились радостью глаза.

Лермонтов не знал, что эта встреча
Будет, как последнее «Прощай!»

Опускался на Тарханы вечер,

Затаив незримую печаль.

Тарханы. Лунная ночь. 1991 г. Лермонтово

Опала

...На дороге пусто и безлюдно.
Дождь на листьях...
Или капли слез?
«Что же мне так больно и так трудно...»
Сердце вдруг отчаяньем зашлось.

Оттого ли, что опять в опале?
Что нависла новая гроза?
От разлуки или от печали
Так темны горячие глаза?

Велика цена его обидам.
В эту ночь он все готов простить.
Можно жить опальным и забытым.
Только без России не прожить.

Родина его звала и снилась...
Он по ней тоскует все сильней.
ЧТО поэту царская немилость!
Быть бы только в милости у ней.

Пятигорск 1955

«Золотой кленовый лист...»

Золотой кленовый лист
На стекло моей машины
Осень бросила небрежно,
Чтоб напомнить о себе.
Что простилось с нами лето
Алым пламенем рябины,
Ароматом поздних яблок
В старой дедовской избе.

Этот лист, как знак судьбы,
Я вожу с собой повсюду —
По загруженной столице,
По свободным большакам.
Не хочу с ним расставаться,
Потому что верю в чудо...
И несется свет осенний
По тяжелым облакам.

Золотой кленовый лист —
Словно выданный мне пропуск
В те грядущие метели,
Что уже давно в пути.
Как печальна ныне осень,
Или это мы печальны...
И тревожны краски леса,
Как последнее «Прости...»

Дай мне Бог еще не раз
Повстречать красоты эти,
Подивиться вдохновенью
Облетающих берез.
И обнять холодным утром
Белоствольные колени.
И увидеть лист кленовый.
И согреть его в мороз.

«Стихи – это тоже поступки...»

Стихи – это тоже поступки.
У них свой квадрат и овал.
Хотя они с виду и хрупки,
Но в ярости бьют наповал.

Не каждый крутым олигархам
Осмелится встать поперек.
Здесь сразу паленым запахнет
И станет печальным итог.

И только бесстрашное слово,
Великая сила его
За правду сражаться готова,
Взамен не беря ничего.

Читая лермонтова («Что может быть прекрасней красоты?...»)

Что может быть
Прекрасней красоты?
Что может быть
Надежней верной дружбы?
А без любви и дружбы
Дни пусты,
Как Божий храм
Без прихожан и службы.

Что может быть
Прекрасней красоты?
Я страж ее
И добровольный пленник.
Благодарю судьбу,
Что ты явилась мне
По зову сердца
И надежд весенних.

Я принимаю эту красоту
И дружбу,
Освещенную любовью.
И к тем вершинам
Я всю жизнь иду
Сквозь радости,
Невзгоды
И злословье...

Монолог врубеля

Даже если ты уйдешь,
Если ты меня покинешь, —
Не поверю в эту ложь,
Как весною в белый иней.

Даже если ты уйдешь,
Если ты меня покинешь, —
О тебе напомним дождь,
Летний дождь
И сумрак синий.

Потому что под дождем
Мы счастливые ходили.
И гремел над нами гром.
Лужи ноги холодили.

Даже если ты уйдешь,
Если ты меня покинешь, —
Прокляну тебя...
И все ж
Ты останешься богиней.

Ты останешься во мне,
Как икона в Божьем храме.
Словно фреска на стене
Или алой розы пламя.

И пока я не умру,
Буду я тебе молиться —
По ночам и поутру, —
Чтоб хоть раз тебе присниться.

Чтоб проснулась ты в слезах
И, как прежде, улыбнулась...

Но не будет знать мой прах,
Что любимая вернулась.

Вид на сельскую церковь. 2006 г. Лермонтово

«Солнце упало в море...»

Белеет парус одинокий...
М. Ю. Лермонтов

Солнце упало в море,
Окрасив его края.
Синее с алым спорит,
Как с грустью любовь моя.

И словно бы павший ангел,
Парус вдали застыл...
Стекают краски заката
С его белоснежных крыл.

На юге темнеет быстро.
И вечер подвел итог.
Лишь в небе мерцают искры,
Словно там курит Бог.

Отсчитывает минуты
Волны осторожный плеск...
А парус исчез,
Как будто
И вовсе он не был здесь.

То ль, сорванный, сбился с курса,
То ль ангел по зову звезд
На небо свое вернулся
И парус туда унес.

«Господи, спаси нас и помилуй...»

И в небесах я вижу Бога...
М. Ю. Лермонтов

Господи, спаси нас и помилуй.
Сохрани нам доброту и стыд,
Чтобы споры не решались силой,
Чтоб мы жили властью,
А не навзрыд.

Мы приходим в этот мир однажды
И не повторимся никогда.
Только тот, кто умирал от жажды,
Знает, как вкусна в песках вода.

Только тот, кто бедами разрушен
И кому так трудно меж людьми,
Знает цену настоящей дружбе.
Знает силу истинной любви.

А пока мы столько нагрешили...
Пленники интриг и суеты...
Не в каком-то там чужом Алжире,
На Руси звереют от вражды.

То ли льготы чьи не поделили,
То ли властью обошла судьба...
И при всей их сатанинской силе
Эта жизнь бездарна и слаба.

Господи, спаси нас и помилуй,
Охрани от зависти и зла.
Чтоб не стыдно было над могилой
Говорить нам добрые слова.

После грозы. Кропотово. 1985 г.

Читая Лермонтова («Как странно жизнь устроена...»)

Как странно жизнь устроена.
Все славы ждут одни,
Другие, став героями,
Мечтают быть в тени.

Как странно жизнь устроена.
Одним все сходит с рук,
А преданного воина
Не пожалел и друг.

Как странно жизнь устроена.
Дурак в чести подчас,
А умного порою мы
Затаптываем в грязь.

Как странно жизнь устроена.
Не знаю, чья вина,
Что так нескладно скроена
И так грустна она.

«На всех портретах...»

На всех портретах
Лермонтов печален.
Порой задумчив.
Иногда суров.
И в дни, когда
Со славою венчали,
И в сладкий миг
Предчувствия стихов.

Нигде ни разу
Он не улыбнулся.
И на портретах
Тот же строгий лик:
И у повесы
С юнкерского курса,
И у Поэта,
Взявшего Олимп.

Наверное, в душе
Все было
Слишком зыбко.
И потому
Невеселы штрихи...
Но сохранили нам
Его улыбку
Надеждой озаренные
Стихи.

Поэт

...У Красных ворот,
Где прошло его детство,
Он встал над обидами
И суетой.
И кажется мне —
Он все хочет взглядеться
В тот мир,
Что остался за черной чертой.

Возможно, ему и не так одиноко
Быть с нами,
Как было в той жизни молодой
Среди петербургских паркетов
И окон,
Где каждое слово
Грозило бедой.

«Не избалованы мы солнцем ессентукским...»

Не избалованы мы солнцем ессентукским.
Спасаясь от московских непогод,
Который день живем под небом тусклым
В надежде, что июль свое возьмет.

Но только август возвратил погоду.
Прозрачны дни и светится Эльбрус.
Как будто бы природа нам в угод
С души своей сняла ненастий груз.

«Поэзия превыше суеты...»

Поэзия превыше суеты.
Она с небес нисходит в наши души.
Она – то «гений чистой красоты»,
То отзвук бед – минувших и грядущих.

Как жаль, что в наш непросвещенный век
Стихи на полках Родины пылятся.
А жизнь теперь так ускоряет бег,
Что некогда ей словом забавляться.

Поэзия превыше суеты.
Она подвластна совести и Богу.
И даже те, кто с Музою на «ты»,
Иной ее почувствовать не смогут.

Мне хорошо, когда мы с ней вдвоем.
Она со мной добра и откровенна.
Быть может, для того мы и живем,
Чтобы кому-то оставаться верным.

«Стихи читают молодые...»

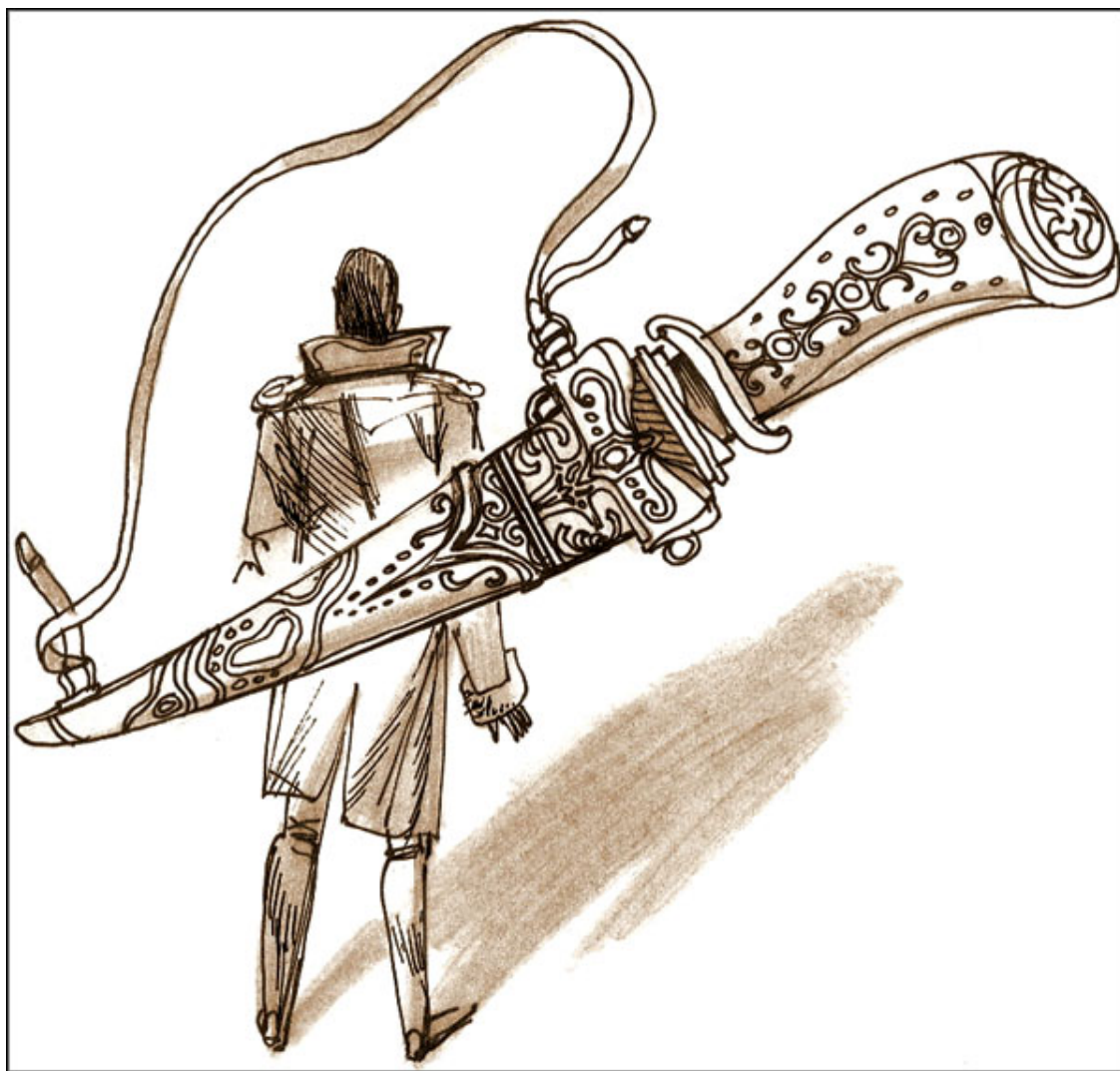
Не верь себе, мечтатель молодой...
М. Ю. Лермонтов

Стихи читают молодые.
И в поездах, летящих в полночь,
И у костра – в заре и в дыме...
Стихи читают молодые,
Чтоб души нежностью наполнить.

И я боюсь, когда пишу.
Я на костры в ночи гляжу.
Слежу за теми поездами,
Что где-то спорят с темнотой.
И, как на первое свиданье,
Иду я к молодости той.

Иду к ней сквозь привычный прессинг.
Несу любовь свою и грусть...

И все боюсь ее не встретить.
И встречи каждый раз боюсь.

Кинжал

Как известно, ссора Лермонтова с Мартыновым произошла в доме генерала Верзилина после безобидной шутки поэта по поводу мартыновского кинжала. Не поняв юмора и не приняв извинений, Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль

Николай Мартынов
Приобрел кинжал.
И себя за это
Очень уважал.

Ибо в Пятигорске
Думали с тех пор,
Что кинжал за храбрость
Получил майор.

А на самом деле
Было все не так.
Он купил у горца
Золотой тесак.

Украшал кинжалом
Дорогой бешмет,
Поразить надеясь
Пятигорский свет.

Ничего ж другого
Не таилось в нем,
Чтоб пленить собою
Генеральский дом.

В тот июльский вечер,
В горький вечер тот
Лермонтов был весел,
Не жалел острот.

Музыка звучала
В гулкой тишине.
Никаких предчувствий.
Только синь в окне.

И когда последний
Смолк в тиши аккорд,
Вдруг упала фраза,
Словно камень с гор.

Лермонтов не думал
Обижать его.
Просто с губ сорвалось.
Больше ничего.

И хоть добродушен
Был девичий смех...
Но ведь над майором.
Да еще при всех.

А майор Мартынов
Так себя любил,
Что принять ту шутку
Не хватило сил.

И тогда был вызван
На дуэль поэт...
Впереди остался
Лишь один рассвет.

До чего ж нелепо
Все произошло.
Но молчало Небо
И зверело зло.

«Мы все живем по собственным законам...»

*Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые...*
М. Ю. Лермонтов

Мы все живем по собственным законам.
К чужим законам в нас доверья нет.
Ни к голубым чинам, ни к голубым погонам,
Подмявшим под себя весь белый свет.

Мы все живем по собственным законам.
По старым нормам чести и любви,
Где верили лишь правде да иконам,
Сверяя с ними помыслы свои.

Мы все живем по собственным законам.
И авторы их – совесть и народ.
Пусть власть когда-нибудь
Под думский гомон
Законы те своими назовет.

«Как девальвировалось слово!..»

Как девальвировалось слово!
Забыв величие свое,
Оно сорваться
С уст готово,
Как с колокольни
Воронье.

«Будьте осторожны...»

Будьте осторожны,
Когда на скорости
Несетесь вы по гололеду.
Будьте осторожны
Рядом с чьей-то горестью,
Чтоб не ранить душу
Мимолетно.

«Лицо выдает человека...»

Лицо выдает человека.
Все можно прочесть по нему.
Вот ты, например,
Добр и честен.
Я верю лицу твоему.

А друг твой,
Хотя и коллега,
Но очень завистлив
И зол.
Лицо выдает человека.
Поэтому я и прочел.

«На Руси, как прежде, много бедных...»

На Руси, как прежде, много бедных —
Старых обездоленных людей.
В нищету свалившихся, как в бездну,
Вместе с биографией своей.

Им теперь ни равенства, ни братства...
А на равнодушие нет суда.
Утекли народные богатства.
Им остались только их года.

Их года – в хворобах да нехватках...
Одиночеств горькие года.
Только жизнь не повернешь обратно.
В никуда ушли их поезда.

Я готов бы с ними поделиться,
Но на всех не хватит дележа.
И грустит еще одна страница.
И болит за сверстников душа.

Бессонница

*С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно.*
М. Ю. Лермонтов

В эту ночь ему опять не спится.
Он сидит, сутулясь, у стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.